

ПОЗИТИВНЫЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО И ДОЛГОСРОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ОБЩЕСТВА

Жизнестойкость человека и общества в условиях трудноконтролируемых природных и антропогенных угроз, — таких как пандемии, макроэкономические кризисы, геополитические конфликты и непредсказуемые последствия развития искусственного интеллекта, — зависит от способности людей вырабатывать образ желаемого будущего, поддерживать оптимизм и долгосрочную ориентацию (Нестик, Журавлев, 2018). Позитивный образ будущего и долгосрочная ориентация способствуют формированию доверия, облегчают разрешение конфликтов и совладание с коллективными травмами, повышают значимость репутации и честности, а также поддерживают развитие человеческого потенциала, инновации и экономический рост. И напротив, формирование неопределенного и апокалиптического образа будущего является признаком угасания культуры (Polak, 1973; Гусейнов, 2023). В развитии культуры есть свои периоды замедления и скачки (Лихачев, 1969), есть они и в конструировании долгосрочного образа будущего, которое может сдерживаться или подстегиваться динамикой психологического состояния общества.

Отождествление нами себя с социальной группой, — в том числе со своей профессией, своим городом, Родиной, — повышает субъективную значимость и позитивную оценку коллективного будущего. Вовлеченность членов группы в *совместную постановку целей и планирование действий*, — в том числе через конструктивные формы гражданского участия, — повышает их уверенность в своей способности влиять на будущее, а также

облегчает проспективную рефлексию, поиск в коллективном прошлом образцов решений, необходимых для достижения цели; и социальное воображение, позволяющее членам группы представить возможности и риски, альтернативные сценарии развития для ответа на новые вызовы.

Но значимость коллективного будущего может возрасти и по другим причинам — через *переживание угрозы существованию или ценностям своей группы*. В таких условиях коллективная тревога может играть конструктивную роль, мобилизуя психологические ресурсы, но для этого она должна быть сопряжена с уверенностью в способности членов группы преодолеть трудности совместными усилиями, высоким доверием к социальным институтам и другим людям, а также сопереживанием. При низком социальном доверии и снижении субъективного контроля коллективная тревога запускает защитные психологические механизмы: гиперидентификация с группой и потребность в простых ответах на сложные вопросы сдерживают групповую рефлексивность и социальное воображение, делая группу уязвимой к информационно-психологическим воздействиям, основанным на провоцировании страхов. Причем воспринимаемая угроза ценностям группы с большей вероятностью будет провоцировать эти эффекты, чем угроза военная или экономическая.

Влияние коллективного образа будущего на психологическое состояние как малых, так и больших социальных групп зависит от того, какие функции этот образ выполняет. Для конструктивного ответа на вызовы и объединения человеческого потенциала страны вокруг долгосрочных целей *консолидирующая и защитная функции коллективного образа будущего не должны подавлять целеобразующую, ценностно-мотивационную и преадаптивную*. Обнаруженное нами противоречие между выраженным оптимизмом в отношении будущего страны и неверием большинства россиян в свою способность на него повлиять говорит о том,

что образ будущего выполняет пока преимущественно компенсаторную функцию, защищая групповую самооценку.

Даже в кризисных условиях мы способны сохранять *социальный оптимизм* благодаря росту чувствительности к позитивной информации, позитивному переосмыслению ситуации, поиску аналогий с опытом успешного преодоления трудностей в личном и коллективном прошлом, а также благодаря социальной идентификации и вере в осмысленность, доброжелательность и справедливость мира. Но социальный оптимизм не сводится к ожиданию благополучного исхода критической ситуации, вторым его важнейшим компонентом является вера личности в способность членов своей группы объединять усилия для ответа на внешние и внутренние вызовы. Поэтому его устойчивость определяется не только силой гражданской идентичности и политическим доверием, но и значимостью справедливости и заботы о людях, генерализованным доверием и ориентацией на ценности взаимопомощи.

При переживании угрозы существованию своей группы, в том числе *в ходе геополитического противостояния и военных конфликтов*, на первый план выходят психологические функции образа будущего, связанные с защитой позитивной идентичности и мобилизацией ресурсов для выживания и победы. Светлое будущее противопоставляется настоящему, полному трудностей и лишений, формируются завышенные ожидания в отношении мирного времени. В этих условиях асимметрия в оценке личного и коллективного будущего, состоящая в том, что будущее свое и своей семьи как правило оценивается более позитивно, чем будущее страны, переворачивается: чем сильнее гражданская идентичность, тем выше готовность к позитивному переосмыслению ситуации и склонность компенсировать неопределенность собственного будущего надеждой на будущее благополучие страны. Коллективная тревога повышает значимость коллективного будущего и интерес к нему.

Казалось бы, эта ситуация создает предпосылки для высвобождения энергии мечты: постановки долгосрочных совместных целей и мобилизации сил для реализации масштабных проектов, которые подстегнули бы «скачок» в конструировании позитивного коллективного образа будущего гражданами нашей страны. Однако, решению этой задачи препятствуют защитные психологические механизмы, вызванные переживанием внешних и внутренних угроз: этос конфликта, рост значимости ценностей безопасности и конформности, а также снижение субъективного контроля и усталость от «особых режимов управления», введенных для защиты общества от различных рисков. Эти механизмы усиливают потребность в когнитивной завершенности (стремление к простым ответам на сложные вопросы) и дихотомическое мышление («кто не с нами, тот против нас»). Первая из них сдерживает социальное воображение, усиливает веру в предопределенность будущего («никого не дано»), а следствием второго становится нечувствительность к наличию в обществе множества образов будущего и неготовность к диалогу о дальнейшем пути развития страны. В результате консолидирующий потенциал коллективного будущего снижается.

В этих условиях важнейшее значение приобретает *поддержка долгосрочной ориентации личности и общества в целом*. Совместное воображение будущего и объединение вокруг позитивных долгосрочных целей облегчает формирование межличностного доверия, поиск взаимовыгодных решений и преодоление межгрупповых границ.

На готовность личности ставить долгосрочные цели и планировать свое будущее влияют не только экономическое благополучие, но целый ряд социально-психологических факторов: представления об уровне ее распространения в обществе и одобрения со стороны значимых других; ориентация на достижения и вера личности в собственные силы; разнородность сети контактов, эмпатия и просоциальные установки.

Долгосрочная ориентация не сводится к горизонту планирования. Наши исследования показывают, что при переживании трудноконтролируемых угроз снижается воспринимаемая полезность долгосрочного планирования, но при этом сохраняются ориентация на преемственность традиций и ценность непрерывного развития на протяжении жизни, растет интерес к коллективному будущему. Для поддержки долгосрочной ориентации общества в этих условиях необходимо повышать уверенность граждан в своей способности совместными усилиями влиять на ситуацию в своей организации, профессии, городе и стране, а также укреплять доверие к социальным институтам через закрепление «правил игры» в областях, связанных с развитием человеческого потенциала. Необходимо использовать механизмы социального научения и поддерживать долгосрочную ориентацию как норму, разделяемую большинством (от «это престижно» к «у нас так принято»): ролевые модели, примеры успеха, достигнутого россиянами благодаря долгосрочному планированию своей жизни. Общеобразовательные и корпоративные программы обучения необходимо ориентировать на развитие системного мышления и навыков работы с будущим, способности критически оценивать прогнозы и совместно разрабатывать сценарии.

Долгосрочную ориентацию было бы ошибочно сводить к ориентации на будущее. Одним из важнейших ее компонентов является ценность преемственности, значимость продолжения традиций (Нестик, 2021). Психологические исследования подтверждают то, о чем много раз говорил Д.С. Лихачев: неспособность ценить собственное прошлое и извлекать из него уроки лишает нас будущего, сковывает нашу способность к принятию долгосрочно ориентированных решений; и напротив, обращение к отдаленному прошлому для объяснения настоящего повышает готовность личности задумываться об отдаленном будущем страны (Нестик, 2025). При этом важно учитывать, что само по себе знание истории не формирует

способность учиться на совместном опыте, конструировать образ будущего с опорой на уроки прошлого (Barsch, 2025), а значит, необходимо целенаправленно развивать навыки перспективной рефлексии (Нестик, Журавлев, 2012).

Чтобы автобиографическое и историческое прошлое не только защищали нашу позитивную самооценку, но и становились источником образцов для поиска решения сегодняшних проблем, необходимо развивать *социальное воображение* — готовность россиян включать себя в широкий культурно-исторический контекст, смотреть на свою жизненную ситуацию глазами представителей других социальных групп, представлять альтернативные варианты развития отношений (Нестик, 2023). Это требует формирования способности учитывать социальную сложность, изменчивость человеческого поведения и принимать решения с учетом интересов и переживаний других людей. Для развития социального воображения нужно не только расширять «память о будущем», доступный воображению репертуар образов и сценариев (например, через фильмы о будущем без катастрофизации, популяризацию научной фантастики), но и формировать опыт коллективного воображения, выработки совместных решений о будущем. Поэтому именно сейчас как никогда важно поддерживать ценности сопереживания и диалога, развивать навыки психологической помощи, фасилитации групповой работы и разрешения конфликтов в школах.

Литература

Гусейнов А.А. В поисках будущего // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013– 2023) / составитель и научный редактор А. С. Запесоцкий. Т. 5 : Доклады. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2023. С. 257 - 264.

Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения: заметки и размышления // Новый мир. 1969. № 9. С. 167–184.

Нестик Т.А. Социальное воображение как психологический феномен // Вопросы психологии. 2023. № 5. С. 3–15.

Нестик Т.А. Социально–психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4 С. 28–39.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025.

Barsch S. Historical thinking, historical knowledge and ideas about the future // Journal of Curriculum Studies, 2025, 1–22.
<https://doi.org/10.1080/00220272.2025.2496463>

Polak F. The image of the future. L. – N.Y.: Elsevier Publishing, 1973